

В. И. Слепухин

РОДНАЯ ДУША

Очень многое в судьбе Юрия Григорьевича объясняется его казачьими корнями. Войско Донское всегда было вольнолюбиво и независимо, поэтому большевики увидели в этой большой казачьей силе угрозу для себя, а точнее — врага номер один, который должен быть уничтожен. Расправа с казачеством началась с первых же лет революции, но это была первая волна, затем пошла вторая волна репрессий, или так называемого «расказачиванья», уже в 30-е годы. А ведь эта была самая верная часть народа, опора Российской Империи. Вот, именно поэтому они и были обречены...

Наши отцы — мой и Юрия Григорьевича — были двоюродными братьями, все жили на донской земле, в прекрасной, богатой станице, и жизнь эта, по рассказам моих родителей, до революции была зажиточной. Революция, которая разорила Россию, дважды прокатилась огненным смерчем по донской земле. Остаться было опасно, и нашим родственникам пришлось покинуть родную землю и переселиться туда, где их никто не знал. Григорий Пантелеймонович, отец Юрия Григорьевича, переселился в Шахты. Мой отец тоже покинул свою родную станицу, переселившись в Миллерово — городок между Ростовом и Воронежем, — а затем уже в Ростов-на-Дону.

Потом началась очередная трагическая страница нашей истории — Великая Отечественная война, в которой вся Россия понесла неисчислимые потери. Однако властям этого показалось мало — преследования продолжались и после войны. Советская власть все еще не могла успокоиться, активно разыскивая враждебные элементы, для чего достаточно было прослать просто инакомыслящим.

После войны вся наша родня растерялась, и никто не знал кто где находится. Были утрачены родственные связи, которые потом долгое время восстанавливались — разыскивать-то

было опасно. К примеру, когда мой отец случайно встретился в Ростове с младшим братом Григория Пантелеймоновича, который тоже жил в Ростове, тот сразу предупредил отца: «Ваня, никому не говори, что я здесь, и что я из казачьей станицы...». Это короткая предыстория.

В 1956 году я поступил в Высшее художественное промышленное училище имени В. И. Мухомовой в Ленинграде. Моя мечта — учеба в «храме искусства» барона Штиглица — сбылась.

И вот, будучи студентом второго курса, я получаю от папы письмо, где он сообщает, что у меня есть троюродный брат Юрий, который после войны жил в Аргентине, недавно вернулся на родину и поселился в Ломоносове. К тому же он еще и писатель. Представляете, какое это для меня было событие? Отец так же сообщил, что собирается приехать из Ростова-на-Дону для встречи с семьей своего брата Григория и хочет познакомить меня со вновь обретенными родственниками. Отец, действительно, приехал — это был уже год 1959 — и мы поехали.

Представляете, какое это для меня было событие?

Была поздняя холодная осень, кажется конец ноября. Добирались мы с отцом долго, по незнакомой дороге, в темное время суток. В память мою почему-то врезался такой эпизод длительного поиска адреса: мы проехали по улице Красного Флота, затем по подсказке повернули на другую улицу с другим «красным» названием — Красных партизан. Проехали по каменной мостовой, вдоль которой стояли старенькие домики со светящимися в темноте окошками. После величественного Ленинграда мне этот городишко показался каким-то захолустьем. Наконец мы остановились перед освещенным фонарем огромным, как мне показалось, домом. Внутри нас встретили темные стены тускло освещенного почерневшего коридора коммунальной квартиры. Но когда мы вошли в просторную большую комнату, нас ослепил яркий свет люстры — здесь, похоже, электричество не сэкономили.

Нас встретили приветливые милые люди с распростертыми объятиями, поцелуями, слезами радости. Мы долго смотрели друг на друга и не могли поверить нашей встрече. Описать невозможно словами, что это была за трогательная сцена.

С тех пор мы и начали общаться. Юрий сразу увидел во мне родственную душу — я ведь тоже был представитель искусства, к которому он проявлял большой интерес, а наши мировоззрения оказались очень схожими.

Я конечно с удовольствием стал бывать в семье по воскресеньям, потому что беседы с таким человеком как Юрий Григорьевич были незабываемы. Незабываемы не по какой-то необыкновенной содержательности — философских, литературоведческих, или каких-то иных «заумных» бесед мы не вели. Но говорили обо всем — об искусстве, о том, что было и что происходит в наши дни, о том какой могла бы стать Россия, не случись революции, в общем, о жизни. Естественно на формирование его интеллекта оказала большое влияние жизнь в относительно свободном обществе, где человек не подвергался идеологическим запретам. Юрий Григорьевич был необыкновенно притягательным человеком, у него аура была такая, необыкновенно сильная и притягательная. Я за свою жизнь знал много интересных людей: художников, писателей, ученых — людей из разных сфер, но никогда не встречал такого цельного человека, который был бы наделен целым спектром разнообразно-положительных качеств. Это редкость. Ведь бывает, что слишком высокий интеллект, слишком большое образование даже начинает раздражать, если человек не обладает вот той лучистой энергией, которая от него исходила. А у него она была в избытке.

Вот так мы общались, причем с его отцом у нас тоже сложились прекрасные отношения и полное взаимопонимание. Выяснилось что мы с ним тоже родственные души, что одинаково оцениваем все явления, происходящие в мире — бывшие, текущие, и возможно даже будущие. Никто своих мыслей друг от друга не скрывал, и это было очень дорого. Помню, как-то Григорий Пантелеймонович сказал: «Это же авантюра, то, что мы сюда приехали. Ну, зачем они меня сюда вытащили? По их письмам я в несколько других тонах представил себе здешнюю жизнь». Он был деятельным человеком, и сидеть на диване без дела для него было сущим наказанием, к тому же с его взглядами все это оказалось не просто. В то время как Юрий работал за письменным столом, погружаясь в свой литературный мир, мы с Григорием

Пантелеймоновичем беседовали на разные темы, играли в шахматы — он был заядлый шахматист — и это отвлекало его от вынужденного бездействия. Поэтому он радовался, когда я приходил, и всегда ждал наших встреч. Наконец он не выдержал, пошел в обком и сказал: «Я специалист по сельскому хозяйству, агроном. Приладите меня к какой-нибудь работе». Его и приладили... можно сказать, сослали в самый отсталый колхоз на Карельском перешейке, ну и сказали, что если ты хороший специалист, вот и поднимай это хозяйство. Он любил работу, а потому был рад любой. Григорий Пантелеймонович энергично принялся за дело, и до того «доподнимал» этот колхоз, что получил обострение язвы, плюс нервное расстройство, отчего и умер во время операции. Он проработал около двух лет, но и за этот короткий период успел приподнять хозяйство — председатель колхоза был им очень доволен.

Надо заметить, что дружная семья Юрия Григорьевича плохо ориентировалась в незнакомой им жизни. К примеру, когда грузчики доставили купленный шкаф, то Юра дал им 50 рублей. Соседа тогда чуть «кондратий» не хватил — пол-литра водки в те годы стоили 2 рубля 50 копеек.

Потом мы жили вместе, я художничал, он писал, издавал книги. Одну из них я проиллюстрировал. Это его знаменитый роман «Тьма в полдень» (1967), первое издание. Прожив несколько лет в Ломоносове, Юрий Григорьевич переехал во Всеволожск, где продолжал много писать и издаваться.

Я был свидетелем того, насколько он был популярен, особенно в молодежной среде. Тема его творчества, его чистые герои, их благородные поступки — они были очень притягательны. Огромным успехом пользовался его первый роман «Перекресток» (1962), а еще «Джоанна Аларика, тоже из первых его книг (1957). Тогда тема Кубы, Гватемалы, вообще южно-американской освободительной борьбы была на слуху. Тяга к свободе, нравственному выбору, к переустройству общества — все это было очень интересно и казалось романтическим. Вокруг Юрия Григорьевича сложился круг художников, писателей, просто интеллигентных людей, часто из технической и научной среды, и его дом стал в Ломоносове островком радости, общения родственных душ,

которых связывали одинаковые взгляды, убеждения. Как говорили в то время, это были «инакомыслящие», а это уже было подозрительно. Наши власти стали, естественно, этим интересоваться и предложили сотрудничать, но Юрий Григорьевич от этого начисто отказался, сказал, что это несовместимо с его убеждениями и с его творчеством. Ему этого конечно не простили, и потом когда он написал «Тьму в полдень» и «Сладостно и почетно...», придрались к героям этих романов, обвинив в чуждой идеологии и потребовали переделать. «Юрий Григорьевич, как-то нехорошо получается, что наши люди действуют сами по себе, надо чтоб их действиями руководили наши товарищи из центра...». Короче говоря, надо было написать очередную «Молодую гвардию». Он снова отказался и тогда его «притормозили», перестали печатать лет на десять. Он держался, продолжал писать для себя.

Затем пришло время перестройки, писателям дали вдохнуть немного свободы, благодаря чему Юрий еще успел издать два или три романа, точно не помню. Но это был уже конец Горбачевской эпохи, и до 91 года оставалось не более трех лет.

С крушением Советского Союза у Юрия Григорьевича появилась великая надежда на возрождение свободной России. Он был счастлив, но надежды его были недолгими. При новом режиме все рушилось, все, кроме привычного советского менталитета, только теперь еще помноженного на капитализм, плюс неудержимую жажду наживы любой ценой. Мне кажется, что название одного из его последних романов оказалось пророческим — «Ничего кроме надежды».

Ломоносов, 2012 г.

